

Славянская Мистика

Кошћеева жена Жаља царевна

Екатерина Шитова

ЧЁРНАЯ РЯБЬ

Москва
Издательство АСТ
«АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш64

Разработка серийного оформления Екатерины Дубровской
Иллюстрация на обложке Юлии Мироновой

Шитова, Екатерина Валерьевна.

Чёрная рябь : [повести] / Екатерина Шитова. —
Ш64 Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. —
448 с. — (Славянская мистика).

ISBN 978-5-17-179726-3

Вода помнит всё: и тяжкий вздох поработённой, и шёпот затонувшей правды, и беззвучные слёзы в деревенском сарае.

Матрёна бросает вызов Кощею-свёкру, чью власть не оспорить ни ножом, ни слезами. А Василисе суждено принять родовое проклятие матери — дать древний обет заповедному озеру, хранящему непогребённые тайны.

Две повести, одна бездна. Чтобы выжить, каждой героине придётся сделать выбор, последствия которого расходятся, как чёрная рябь по воде, — задевая прошлое, меняя будущее и пробуждая то, что спало на дне веками.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Екатерина Шитова, текст, 2026
© Юлия Миронова, илл. на обл., 2026
ISBN 978-5-17-179726-3 © ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Глава 1

НЕЖЕЛАННАЯ СВАДЬБА

— **Т**ише, Настасья,тише! Голову пригни, авось не приметит.

— Он идёт, Матрёшка! Ой, мамочки! Как же так? Как же так-то? Он же был мёртв, я своими глазами видела!

Настасья затряслась всем телом, глянула глазами, полными дикого страха, на Матрёну, но та сжала её руку и приложила палец, пахнущий луковой шелухой, к обветренным губам девушки.

— Тише, — повторила она почти беззвучно.

Девушки обнялись, прижавшись друг к другу, склонили головы к самым коленям, чтобы их не было видно за высокими бочками, пропахшими кислой капустой.

Вскоре дверь сарай распахнулась, и где-то совсем рядом послышались мужские шаги.

— Настасья, Матрёна, ау, вы где запропастились?

Голос прозвучал ласково, но Матрёна только сильнее сжала руку Настасьи. Шаги стихли. По-видимому, мужчина остановился и высматривал девушек по тёмным углам.

— Выходите, я калачей с базара привёз. Вкусные, мягкие, с маком. В прошлый-то раз ты, Настасьюшка, сказала, что за такой калач можно полжизни отдать. Я гораздо меньше прошу.

Мужчина хмыкнул и стал медленно обходить углы сарая, срывая на своём пути покрытую пылью паутину. Шаг за шагом он всё ближе подходил к притаившимся за капустными бочками девушкам.

— Настасьюшка, я же знаю, что ты страсть как любишь калачи с маком. Выходи-ка, голубушка, не зли меня.

Мужчина запнулся в темноте об ведро и с грохотом повалился на пол. Выругавшись, он поднялся на ноги и закричал, оборачиваясь по сторонам:

— А ну выходите обе, паскуды этакие, иначе несдобривать вам! Не хотите по-хорошему, тогда будет вам по-плохому. Забью обеих до смерти!

Настасья напряглась, обхватила руками голову, лицо её исказила гримаса ужаса. Матрёна поняла, что ещё чуть-чуть и она не удержится, закричит от страха. Прижав к себе её голову, она прошептала на ухо:

— Молчи, не слушай!

Под пальцами Матрёны потекло что-то тёплое — это Настасья закусила губу до крови.

— Настасьюшка! Выходи давай, не упрямься. Зачем ты эту кикимору противную, эту Матрёшку глупую, слушаешь? А? Ведь не подруга она тебе, только об себе вечно думает!

Мужчина был уже совсем рядом. Матрёна слышала его тяжёлое дыхание. Комок подступил к её горлу, она пыталась проглотить его, одновременно держа Настасью, которая дрожала как осиновый лист на ветру, за плечи.

— Выходи, Настасья, а не то я знаешь что сделаю? — Мужчина помолчал, а потом произнёс зловещим голосом: — Я твою матушку зарежу, Настасья. Бра-

Кощеева жена

тики и сестрички твои меньшие сиротами останутся.
Не жалко тебе их разве?

Настасья болезненно дёрнулась, но Матрёна удержала её за плечи.

— Сиди, дура, не слушай его! Всё это брехня! — пропшептала она ей в ухо.

Но Настасья резко повернулась, укусила Матрёну за руку, а потом громко завизжала, прижав ладони к мокрому от слёз лицу.

— Вот вы где, голубушки мои! — приторно ласковым голосом проговорил мужчина.

Обе девушки поднялись на ноги, и он улыбнулся довольно. Он стоял напротив них — высокий, худой, жилистый, глядел круглыми, выпученными глазами, водил длинным горбатым носом, будто вынюхивал что-то.

— Вот и вы, мои красавицы! А я вас ищу, ищу! Калачи уж скоро зачерствеют!

— Не трожь нас, Яков Афанасьевич, не то мы всё Анне Петровне расскажем, — проговорила Матрёна.

Мужчина склонил голову набок, бросил злой взгляд на неё, потом посмотрел на Настасью, и лицо его смягчилось.

— Ступай, Настасьушка, в дом. Полакомись пока что калачами. А я тут с Матрёной побалакаю. Совсем она распоясалась. Где это видано, чтобы сноха так со свёкром говорила?

Настасья, всхлипнула, посмотрела на Матрёну большими глазами, полными ужаса, и стремглав выбежала из-за высокой бочки на свет, запинаясь и гремя пустыми вёдрами.

— Ешь сколько влезет, голубушка, не спеши! — крикнул мужчина вслед убегающей девушке, а по-

тот произнес тихо, повернувшись к Матрёне: — А младшую сноху нужно научить, как уважать и почитать дорогого свёкра.

Матрёна судорожно оглянулась и схватила стоящие рядом вилы. Замахнувшись на Якова Афанасьича острыми зубьями, она зашипела:

— Не подходи, Кошёй проклятый!

Мужчина замер на месте, из груди его вырвался тяжёлый вздох.

— Если б я знал, что ты такая вредная и упрямая, я бы тебя ни за что любимому младшему сынку в жёны не выбрал. Тётка твоя уж больно тебя расхваливала. Ох, Серафима! Лгунья старая! Лиса хитрая! Теперь-то я дотумкал — она же тебя просто поскорее из дома спровадить хотела. Надоела ты ей, обуза такая.

Мужчина сделал шаг навстречу Матрёне, но она подняла вилы выше.

— Признаться, ты мне уже надоела со своим норовом, Матрёна! Выкинуть бы тебя на улицу, да не могу. Люблю тебя. И что ты со мною сделала? Околдовала, не иначе!

Мужчина замолчал, а потом внезапно сделал резкий выпад в сторону Матрёны и схватился обеими руками за черенок вил. Силы в его худых и жилистых руках было немерено, он одной только рукой мог осадить коня на полном скаку. Поэтому вилы легко выскользнули из рук Матрёны. Девушка осталась стоять перед свёкром — жалкая, безоружная. Мужчина отбросил вилы в сторону, осмотрел сноху с ног до головы и поманил к себе пальцем.

— Ну, иди же ко мне, не упрямься, — хрипло проговорил он, сверкнув чёрными глазами. — Коли

Кощеева жена

сама придёшь — и тебе калач маковый достанется.
Платье тебе новое куплю, а к зиме — полушибок.
Хочешь?

Матрёна не пошевелилась, стояла на прежнем месте, сжав зубы, глаза её сверкали лютой ненавистью.

— Не трожь меня, Яков Афанасьевич!

— Ишь ты, какая непокорная. Как молодая кобылка. Уж я тебя объезжу, воспитаю хорошенько! А не хочешь по-хорошему, значит, будет по-плохому.

Матрёна стояла на месте. Мужчина весь напрягся, сдвинул брови.

— А ну, иди сюда! Всё равно будет по-моему! Я здесь хозяин! Я всем вам указ! Поняла?

Мужчина достал из-за пояса кнут и огrel им Матрёну. Девушка взвизгнула от боли, бросилась бежать, но тут же оказалась в капкане сильных мужских рук. Яков Афанасьевич повалил её на грязный пол и резким движением задрал юбку.

— Помогите! Кто-нибудь! Убивают! Насилуют! — во всём горло завопила Матрёна.

Но никто не услышал крика, доносящегося из сарая на отшибе села. Яков Афанасьевич, разозлившись, ударил Матрёну по лицу. Та вскрикнула и изо всех сил пнула мужчину промеж ног.

— Ах ты паскуда! Крыса! — тонким голосом взвыл он, отстранившись от неё.

И тут Матрёна достала из-за пазухи нож и с размаху вонзила его в грудь мужчине. Раздался хруст, а потом на несколько мгновений в сарае повисла тяжёлая тишина, Матрёна слышала лишь стук своего сердца. Яков Афанасьевич захрипел, взялся за рукоятку ножа и сильным движением выдернул его из-под рёбер. Матрёна смотрела на всё

это, осталбенев от ужаса. Рубаха мужчины была порвана, но крови на ней не было. Сам Яков Афанасьевич жутко улыбался, глядя на испуганную девушку.

— Ты думаешь, что сумеешь убить меня? Дура ты, дура, Матрёшка! Не сумеешь!

Он почесал затылок и отбросил нож далеко в сторону.

— А хочешь знать, почему?

Он вопросительно взглянул на Матрёну, и та неуверенно кивнула.

— Потому что нет у меня смерти! Заговорённый я!

— Ну точно Кошечка... — еле слышно произнесла Матрёна.

Мужчина несколько секунд смотрел в лицо молодой снохи. А потом запрокинул голову и засмеялся: громко, раскатисто и победоносно. Матрёне показалось, что всё это не по-настоящему, что ей снится страшный сон и скоро закончится. Когда Яков Афанасьевич подошёл к ней, она не шелохнулась, не могла двинуть ни рукой, ни ногой. А когда он снова повалил её на пол и задрал юбку, она даже не закричала. Всё тело её налилось странной тяжестью и обмякло.

«Это страшный сон, и скоро он кончится...» — звучало в голове несчастной, испуганной девушки...

Спустя несколько минут, которые тянулись, будто целая вечность, Матрёна осталась лежать в темноте одна. Яков Афанасьевич натянул свои портки и, довольно кряхтя, вышел из сарая. Матрёна заплакала, прижимаясь щекой к грязному полу.

Позже она поднялась на ноги и неуверенной, шатающейся походкой, пошла в дом. На её светлой льняной юбке виднелись следы крови...

* * *

За пять лет до случившегося

— Ох, не знаю, Серафима. Рожа-то у неё симпатичная, но уж больно она тощая. Плохо работать будет. Да и внуков каких мне потом народит? Таких же тощих, как она сама?

Яков Афанасьевич почесал лысый затылок, взял со стола глиняный кувшин с квасом и начал пить, тонкие струйки мутно-коричневой, кисло пахнущей жижки потекли по его усам и бороде, закапали на рубаху.

— Ты не смотри, что она тонкая, как тростинка. Она работать может как лошадь! Да и сынок у тебя ещё молод, тринадцать лет всего парню! Пока растёт и мужает, ты её ещё раскормить успеешь. Глянь, зато какие у неё бёдра широкие! С такими бёдрами она тебе с десяток внуков народит!

Яков Афанасьевич обернулся и ещё раз посмотрел на девушки. Она стояла, прижавшись к стенке, щёки её пылали румянцем, в глазах застыл страх.

— Эх, всё-таки ещё поразмыслию, Серафима. Больно она у тебя ещё юна, — откусив большой кусок от краюшки хлеба, проговорил мужчина.

— Восемнадцать лет! — воскликнула тётка Серафима. — Самый возраст для замужества! Чего в девках-то сидеть? Да и сам подумай, дорогой сват, мне она лишний рот, своих девок едва кормлю. А тебе в хозяйстве лишняя баба всё равно пригодится. Станет работницей при Анне Петровне. А через пару лет у них с твоим Тишкой уже будет настоящая семья.

— Ладно, Серафима, пойду, пожалуй, подумаю ещё, поразмыслю, — произнёс Яков Афанасьевич и встал из-за стола.

— Нечего думать, дорогой мой! — торопливо воскликнула женщина и, бросив злой взгляд на девушку, схватила мужчину за руку. — Чего тут думать? Надо брать!

— Такие дела наспех не делаются!

Яков Афанасьевич высвободил руку и, нахлобучив на голову малахай, взял в руки полушибок и вышел в сени.

— Как звать-то её? Из головы вылетело, — обернувшись через плечо, спросил он.

— Матрёна, — крикнула в ответ Серафима.

— Матрёна, Матрёна… — задумчиво проговорил Яков Афанасьевич.

Напоследок он бросил взгляд на девчонку, которая осмелилась поднять глаза, и до того сильно уколол мужчину тёмный, жгучий взгляд, что даже больно стало где-то в груди.

— Ух, до чего черна! — в сердцах прошептал он и захлопнул тяжёлую входную дверь.

Тётка Серафима, сдвинув цветастую занавеску в сторону, посмотрела в окно на удаляющуюся от дома мужскую фигуру и только потом повернулась к девушке, которая по-прежнему стояла не шевелясь.

— Слушай меня, Матрёшка, — прошипела она, нахмурив брови и яростно сверкнув глазами, — если только он тебя в жёны своему сынику не возьмёт, я тебя в лес уведу и там оставлю. Поняла?

Матрёна посмотрела на тётку и кивнула через силу, сжав за спиной кулаки.

— Если же всё-таки возьмёт, да ты чем-нибудь им там не угодишь, я тебя назад не приму. Пойдёшь побираться по улицам, так и знай. А теперь брысь отсюда!

Тётка Серафима отвернулась, взяла с блюдца румяную ватрушку и откусила большой кусок. Матрёна резко развернулась, взмахнув чёрными косами, и выбежала из кухни. Она страстно мечтала избавиться от ненавистной тётки, у которой жила вот уже пятнадцать лет, но никак не могла подумать, что та задумает выдать её замуж за тринадцатилетнего мальчишку. Что с таким делать? Разве что сопли ему утират? Да и отец у него странный — так внимательно её рассматривал, будто невесту выбирал не сыну, а самому себе.

Наверняка это всё тёtkины проделки: она не любила двоюродную племянницу и никогда этого не скрывала. Матрёне доставалась самая тяжёлая работа и самая скудная еда. Она одевалась в обноски, её платья пестрели заплатами, тогда как родные дочки Серафимы ходили всегда нарядные. Иногда, чтоб люди не заподозрили неладное, чтоб не решили, что они обделяют сиротку, женщина заставляла дочерей давать Матрёне хороший платок или яркую юбку, чтобы та могла пойти с ними на вечерку. Тогда худая черноволосая замарашка Матрёна преображалась до неузнаваемости.

Тёмные глаза её были полны огня, щёки покрывались румянцем, губы алели, а высокая острая грудь вздымалась и опускалась от волнения. Красавица Матрёна бойко и самозабвенно кружилась в танце в центре общего круга. Парни засматривались на неё, и несколько раз она даже целовалась с самыми смелыми из них. Матрёна мечтала, что когда-нибудь один из парней, непременно самый красивый и статный, посвятится к ней, но тётка Серафима